

Был на Москве в подворьи у Николы
 Угрешского. И прискочи тут скоро
 Стрелецкий голова Бухвостов — лют разбойник.
 И поволок на плаху на Болото.
 Язык урезал мне и прочь помчал.
 В телеге душу мало не вытряс мне,
 Столь боль была люта! . .
 О, горе дней тех! Из моей пустыни
 Пошел царя спасать, а языка не стало.
 Что нужного, и то мне молвить нечем.
 Вздохнул я к господу из глубины души:
 «О скорого услышанья Христова!».
 С того язык от корня и пополз
 И до зубов дошел и стал глаголить ясно.

Свезли меня в темницу в Пустозерье.
 По двух годех пришел ко мне мучитель
 Елагин — полуголова стрелецкой,
 Чтоб нудить нас отречься веры старой.
 И непослушливым велел он паки
 Языки резать, руки отрубать.
 Пришел ко мне палач с ножом, с клещами,
 Гортань мне отворять, а я вздохнул
 Из сердца умиленно: «Помоги мне!».
 И в мале ощутил, как бы сквозь сон,
 Как мне палач язык под корень резал
 И руку правую на плахе отсекал.
 (Как первой резали — что лютый змей кусал).
 До Вологды шла кровь проходом задним.
 Теперь в тюрьме три дня я умирал.
 Пять дней точилась кровь из сеченой ладони.
 Где был язык во рте — слин стало много,
 И что под головой — все слинами омочено:
 И ясть нельзя, понеже яди
 Во рту вращати нечем.
 Егда дадут мне рыбы, щей да хлеба,
 Сомну в единый ком, да тако вдруг глотаю.
 А по отъяти болезни от руки
 Я начал правило в уме творити,
 Псалмы читаю, а дойду до места:
 «Возрадуется мой язык о правде твоя», —
 Вздохну из глубины — слезинка
 Из глазу и покатится:
 «А мне чем радоваться? Языка и нету». . .
 И паки: «Веселися, сердце, радуйся, язык!».
 Я ж, зря на крест, реку: «Куда язык мой дели?»
 Нет языка в устах, и сердце плачет».
 Так больше двух недель прошло, а все молюсь,
 Чтоб богородица язык мне воротила.
 Возлег на одр, заснул и вижу: поле
 Великое да светлое — конца нет. . .
 Налево же на воздухе, повыше,
 Лежат два языка моих:
 Московской — бледноват, а пустозерской